

Надежда Мамаева

АКАДЕМИЯ ТЕМНЫХ ВЛАСТЕЛИНОВ
ИНТЕРВЬЮ ДЛЯ МЭРИ СЬЮ. РАЗДРАЗНИТЬ ДРАКОНА
ЧЕРНАЯ ВЕДЬМА В АКАДЕМИИ ДРАКОНОВ
КАК ИЗБАВИТЬСЯ ОТ НАСЛЕДСТВА

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Надежда Мамаева

Как избавиться от наследства

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Роман

Москва, 2019

«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
М22

Серия основана в 2011 году
Выпуск 433

Художник
Л. Клепакова

Мамаева Н. Н.

М22 Как избавиться от наследства: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. — 281 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2876-2

Некроманты умеют брать все не только от жизни, но и от смерти. А еще они презирают светлых магов, не дают опрометчивых клятв и не прощают долгов. Но если перед сыном мрака встанет вопрос выбора: «Мир ради войны или война ради мира?» — он выберет третий вариант и заключит договор с врагом, чтобы выиграть время. Скрепить союз нужно будет свадьбой со светлой? Пустяки, можно недолго и потерпеть брачный браслет на руке. А уж то, что невесту нельзя вести к алтарю, поскольку она чуть-чуть мертва... чернокнижника и подавно не остановит. Было бы тело, а душа-то всегда найдется, пусть она даже будет и из другого мира.

Вот только точные расчеты темного могут полететь в бездну, когда выяснится, что новая хозяйка тела не только иронична до сарказма, но и хитра, изворотлива и вообще сильно хочет жить. Желательно долго, счастливо и... без брака!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Мамаева Н. Н., 2019
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019

ISBN 978-5-9922-2876-2

ПРОЛОГ

«Допрыгалась», — подумала белка, глядя на рассвирепевшую смерть.

«Допилась», — решила смерть, увидев раздвоившуюся плешивую белку с кружкой гномьего первача в лапах.

Она помотала лысым черепом, и хвостатая собутыль... в смысле собеседница вновь стала единой и неделимой. А потом костлявая прищлепнула замусоленную карту поверх уже изрядной стопки.

— Дудки! Мой некромант твою льерну все ж таки бьет! — злясь на то, что приходится расстаться с единственным козырем, провозгласила она.

— А вот и нет, — заявила белка. Правда, везение рыжей сегодня было сомнительным: смерть продувала уже третий раз подряд, отчего становилась все мрачнее. Костлявая не любила проигрывать, даже если игра шла на один лишь интерес, без ставок. — У меня пожиратель душ есть, он твоего некроманта покроет.

— Ик! — Звук гулко разнесся по комнате, отразился от каменных стен и увяз в побитом молью гобелене.

Это дал о себе знать субъект, из-за которого две дамы — одна хвостатая, а вторая костлявая, — собственно, и встретились.

Субъект потянулся за еще одним кубком крепкого тинийского вина, которого не пил добрый десяток лет, и залпом его осушил. Уже изрядно перебравший лэр, сидевший за добротным сбитым деревянным столом, был пока жив и в относительно здоровом, хоть и хмельном уме. Он пялился остекленевшим

взглядом на лежавший перед его носом приказ, украшенный печатью императора Аврингроса Пятого, не подозревая, что за ним пришли сразу двое — белочка и смерть. И оные дамы даже сидели с ним за одним столом. И сейчас эти двое ждали, куда отчалит «счастливчик» — то ли за грань, то ли в дом скорби.

— Не позволю! — взревел лэр, ни к кому не обращаясь.

Он был здоров как медведь: небесные покровители не обделили своего верного раба ни телесной силой, ни статью, ни немилостью императора. Во всяком случае, так казалось набожному Лавронсу все сорок пять лет, что он жил. А вот сегодня... Светлые боги решили испытать его веру.

Схватив приказ, лэр смял его, а затем швырнул в стену кубок.

— Не быть моей дочери женою этого поганого некроманта! Даже если так повелел сам император.

Лэр решительно притянул к себе перо и бумагу.

«Милостивый император, свет и надежда народа...»

Перо зависло над бумагой и, пока Лавронс пытался сформулировать мысль, оставило черную кляксу. Но лэра это не смутило, и он продолжил. Два абзаца витиеватых приветствий были выведены на удивление твердой рукой ради всего нескольких фраз:

«Моя жизнь целиком в Вашем распоряжении, и я готов хоть сейчас отдать ее за отчизну. Но душа, тем паче душа не моя, а моей единственной дочери, принадлежит светлым богам. Осквернять ее замужеством с исчадием тьмы я не вправе. Посему моя Кэролайн отбывает в монастырь, где примет постриг и тем самым избежит участи погубить себя».

Лавронс уверенно поставил точку и, сложив послание, поднялся. Чуть шатаясь, добрал до телепортационного камня, что мерцал в полумраке синим, и, приподняв его, положил письмо. Придавил сверху.

На миг свет рассеял полумрак комнаты: бумага отправилась в императорскую канцелярию.

— Ну все, заканчиваем. Этот уже точно мой! — победно заявила смерть. — Император теперь его точно казнит за то, что ослушался приказа.

— Жаль, — вздохнула белка, собирая в лапы карты. А потом завистливо выдала: — Везет тебе.

— Ну да, тебе везет в игре, а мне — в смерти, — заявила ко-стлявая, поднимая лежавшую на полу косу.

Белка же, бубня себе в усы о некоторых набожных, кото-рые нормально дочь замуж выдать не могут, уже собралась уходить, когда смерть ее решила ободрить:

— Слушай, плешивая... Может, у него хотя бы дочурка Кэ-ролайн свихнется? В монастырях же этих от десятков мо-литв, которые они каждый день творят не по разу и при этом лбом об пол бьются, легко можно реальность с туманом пере-путать... Тем более...

Белка задумалась.

Пока две невидимые гости беседовали, Лавронс позвал слугу и распорядился, чтобы Кэролайн собирали: она отбы-вает в монастырь. Шустрый прислужник понятливо кивнул и исчез за дверью.

Юная лэрисса Лавронс уехала из дома спустя удар коло-кола. А утром ее отца публично казнили. Император не тер-пел неповиновения. Особенно когда дело касалось дел поли-тических. А мирный договор с темными, залогом которого должны были стать браки между знатными подданными Су-меречных земель и Светлых, являлся именно таковым.

ГЛАВА 1

Я сидела и буравила взглядом монитор. Три часа ночи. Мысль была только об одном — спать! Много и вдохновенно. Но увы. Если ты работаешь сам на себя и к тебе на съемку записываются чуть ли не на полгода вперед, то даже смерть не будет достаточно веским оправданием, почему заказ не выполнен.

Сражение с прыщами невесты шло в фотостопе уже давно. Она была милой, даже очаровательной, поскольку светилась от счастья. А вот тому, кто делал ей макияж, руки хотелось оторвать с особым садизмом. Замаскировать прыщи косметикой не столь долго, как потом на каждом кадре их ретушировать! А снимков было около трехсот.

Я потянулась к кружке с кофе. Да уж... Знала ли моя мамочка, давая дочурке такое нежное имя, как Лада, что через пару лет звать меня будут не Ладушка или Ладонька, а исключительно Ада. И дело тут не в более кратком звучании, а в том, что выросла я не милым ангельским созданием, как задумывала моя родительница, а скорее совсем наоборот.

Мой скверный характер с годами только расцветал, чего нельзя было сказать о внешности. Та казалась самой обыкновенной.

К своим двадцати шести годам я сумела сделать себе имя, набрать хорошую клиентскую базу и в целом была довольна жизнью. Свадебный фотограф — это не только модно, но и весьма денежно при условии, что ты мастер своего дела. Вот только и пахать приходилось без выходных, до рези в глазах. Снимать порой по шестнадцать часов подряд, и не стоя или

сидя, а как придется. Порою — по колено в воде, чтобы получить красивые кадры влюбленных, сидящих в лодке. Или лежать животом на грязной земле, фотографируя с самого неожиданного ракурса.

Но чаще всего вот так, как сейчас, проводить сутки у компа, шлифуя удачные кадры.

Заказ надо было сдавать завтра. Монитор «Мака» смотрел на меня, словно спрашивая: «Ну, долго мне еще светить? Я тоже отдохнуть хочу!» Но я была немилосердна. И к себе и к другим. А как иначе? Грозный зверь «ипотека» появлялся на моем горизонте каждый месяц, хватал денежную добычу и утаскивал ее в свое банковское логово.

В десять утра, когда мне позвонил заказчик, я была в состоянии полутрупа, скорее мертвая, чем живая, но зато довольная: все успела.

Залив все фотографии в «облако» и получив-таки на свой счет остаток гонорара, я отрубилась. Хорошо, что на диван упала, а не прямо на пол.

Проснувшись от настойчивой телефонной трели. Кому-то срочно понадобилась Адочка. Помотала головой, пытаюсь взбодриться, и затем просипела в трубку: «Да, слушаю».

Звонил папа. Как он умудрился до меня достучаться, осталось загадкой — в истории вызовов значилось больше десяти пропущенных от незнакомых абонентов. Отчитавшись, что у меня все хорошо и отлично, я завершила разговор и поняла, что дико хочу есть. Да что там есть, я готова была сейчас ради бутерброда совершить ограбление «Макдоналдса»!

Хотя если я вломлюсь туда, размахивая пакетом, с криком: «Живо все сюда!» — то от меня станут откупаться купюрами, а не сэндвичами. А жаль.

Я порыскала в холодильнике и убедилась, что там еды не больше, чем снега в Зимбабве, а на полке кухонного шкафчика — последняя половинка макаронины. И та надкушена.

Пиццерия находилась через улицу. Поэтому именно в нее я поспешила с резвостью газели, узревший поляну со свежей сочной травой.

Спустя четверть часа я с урчанием уминала пеперони. Очень быстро от пиццы остались лишь крошки, и моему гастрономическому блаженству пришел конец. С тоской глянув на пустую тарелку, я поднялась и сытая, слегка осоловевшая и плохо соображающая пошла обратно. Навстречу попался парень: выражение лица у него было ну точно с журнальной обложки. Образ дополняли стильная стрижка, одежда от кутюр, маникюр. На него многие оборачивались — и молодые мамочки, и солидные дамы, и девочки-подростки. А я, зная вот таких красавчиков не только мимо проходящими по улице, но и в жизни, лишь поморщилась. Столь ухоженные представители сильного пола вызывали у меня стойкую ассоциацию с домашними декоративными собачками, которых таскают в сумочке или под мышкой.

Про себя я величала таких сверхстильных и откутюренных декоративными мужчинами. Они требовали к себе внимания, ухода и считали, что мир принадлежит им. Главным их достоинством было то, что на фото они выходили отлично: умели позировать, знали свои лучшие ракурсы. Но то в работе. А в обычной жизни... Я не ждала от подобных нарциссов ничего хорошего.

На перекрестке загорелся зеленый свет, я шагнула, но запнулась о бордюр и полетела лицом вперед. Счастье, что успела выставить руки и лишь содрала кожу на ладонях. В голове промелькнули мысли, далекие от высокого штиля и цензуры. Вскочила, отряхнулась и побежала, чтобы успеть на зеленый.

Светофор мигнул, предупреждая, чтобы пешеходы поторопились. И тут я увидела, как из-за поворота на меня несется «газель».

Я не успела увернуться. Удар был сильным, меня буквально выбросило на тротуар. Но самое странное, я не чувствовала боли в теле. Вообще. И тела не чувствовала. Только лицо. Оно горело огнем. А во рту был вкус крови.

Дальше была карета «скорой помощи», маска с наркозом и пробуждение в палате — все это обрывками отпечаталось в моей памяти.

Когда окончательно пришла в себя, то оказалось, что я прикована к постели. Навсегда. На всю жизнь. Перелом шейных позвонков и как следствие паралич. Я не чувствовала ничего, что было ниже моего подбородка. Хотелось ударить кулаком от бессилия, но я не могла. Видела свои руки, но была не в состоянии пошевелить и пальцем.

Вот тогда-то я и возненавидела весь мир. Подключенная к куче аппаратов, я проводила день за днем, месяц за месяцем. Сначала в больнице, потом — дома. Квартира, за которую была выплачена уже большая часть ипотеки, сдавалась. Благо старшая сестра взяла все в свои руки и нашла квартирантов. Родители, до этого гордившиеся обеими своими дочками, стали заглядывать чуть реже, зато нанятая ими сиделка — чаще.

Я была вроде бы живой, но одновременно уже мертвой. И мечтала, чтобы это все закончилось.

Так и случилось. Однажды я просто не проснулась. Вернее, посреди ночи распахнула глаза от ощущения, что кто-то смотрит на меня. Пристально так, неотрывно.

В комнате никого не было. Через неплотно задернутую штору лился лунный свет, отчего углы спальни, в которой я провела почти четыре месяца, казались особенно темными. И тут я услышала:

— Ну чего тебе стоит? Ну сойди ты с ума, а? Жалко, что ли? Я скосила глаза.

На подоконнике сидела облезлая белка с формуляром в лапах. Чудненько... Мне приветственно помахала рукой белая горячка. Только ее мне и не хватало. Ага.

— А что мне за это будет? — с любопытством спросила я.

— Ты меня видишь? — удивилась гостья.

— Еще и слышу! Так что мне за это будет?

Белка возмущенно подпрыгнула и зашипела:

— Ну знаешь ли! Это вообще-то наглость. Требовать у меня! Я тут сижу жду, когда у нее крыша поедет, а она...

И эта драная кош... в смысле белка начала меня совестить, отчитывать, уговаривать, взывать к порядочности и всему тому, чего я лишилась еще в младенчестве вместе с отрезанной

пуповиной. Дескать, сколько можно?! От смерти ушла, перелетев через бордюр — нет чтобы как всякий порядочный перспективный труп улечься под колеса «газели»! — теперь и от шизофрении отлыниваю. Если так дело пойдет, чего доброго, еще и радоваться жизни начну!

Я из врожденной вредности поблагодарила за отличную идею и заверила, что непременно буду и радоваться и наслаждаться. Даже открою собственное дело, благо меня как фотографа знают. Найму секретаршу и буду надиктовывать ей бестселлеры: «Как сделать идеальное селфи», «Как набить морду фотошопу», «Как проклясть заказчиков и при этом получить премию», и все в том же духе. А еще пусть помощница от моего имени в соцсетях раздает лайфхаки: где у камеры находится кнопка «шедевр» и как можно круто заснять всю свадьбу на смартфон.

Я так вошла в раж, расписывая свое светлое будущее, что заявила, что и детей смогу родить. Правда, через кесарево, если у меня руки-ноги не функционируют, но забеременеть, а потом и выносить (в моем случае — вылежать) ребенка я ведь могу?

У белки нервно задергался ус, а уж про то, как она отбивала дробь хвостом по подоконнику, и говорить нечего. В общем, психовала моя шизофрения, бесилась изрядно. Я даже за нее переживать начала, родимую: вдруг удар хватит?

И тут из воздуха соткалась черная сова. Взмахнула крыльями, и вот уже на полу стояла смерть в черном балахоне и при косе. Ну, во всяком случае, именно так ее и изображают. Правда, скорбного величия не было и в помине. Скорее даже наоборот: чересчур деловой и заговорщицкий вид.

— Слышь, плешивая, ты еще не закончила? — осведомилась смерть.

— Да какое тут! Эта дура мне заявила, что у нее жизнь только-только налаживаться начала и сходить с ума она не намерена.

— А ты точно уверена, что она уже не ку-ку? — перекинув косу из руки в руку, засомневалась гостья. — С таким-то позитивным настроением и в ее-то положении.

— Нормальное у меня положение, лежачее. Между прочим, самое устойчивое! Точно не упаду, — вмешалась я в беседу, решив, что терять мне вроде как и нечего.

— Она что, нас видит? — повернув ко мне лысый череп, изумилась смерть.

— Сама же знаешь, что одной ногой за грань шагнувшие со всякими прибабахами бывают. Эта видит. Предыдущая вон вообще у тебя косу стянуть умудрилась!

— И не напоминай про ту паразитку! — с сердцах отмахнулась смерть. — Я зачем, собственно, явилась. Тут один черно-книжник на луну усиленно выл, в смысле заклинание призыва души читал. Он аж на девяностый уровень бездны провалился, так ему враз согласная душа запонадобилась. Десять капель чистой силы обещал тому демону, который ему душу доставит. Любую. Главное, чтобы свободную, согласную и срочно. В течение четверти удара колокола.

— Какие у чернокнижников нынче запросы пошли... Душу ему, согласную! Хотя опять же десять капель силы... — Белка была сама деловитость. — А зачем сей ценный товарец понадобился-то?

— Да у него тут незадача вышла. Невеста померла. Темный властелин приказал своему стражу жениться на светлой: укрепление союза и все такое. Деймон хоть и был не в восторге, но, раз владыка приказал, значит, надо. А политический брак, сама понимаешь, дело такое — если правители решили своих подданных поженить, то тут хоть труп, но к алтарю притащи. Дей, может, и притащил бы, но на зомби брачный браслет не застегнется. А что это за церемония, если невеста ни до алтаря дойти не может, ни брачный символ на запястье нацепить? Вот ему и надо на время душу в бесхозное тело запихнуть. А там как наденет на нее браслет — пусть мрет дальше.

— А отчего померла-то?

— Потравили. Представляешь? В монастыре, доме светлых богов, и потравили. Причем качественно так, с гарантией.

— Вот я всегда говорила, что в этих монастырях самые отпетые негодяи собираются. — Белка уперла лапы в боки.

— Да не суть, кто там в этих монастырях. Время-то уходит! И десять капель силы в бездне просто так не валяются! Десять! Это же десять лет жизни мага. Задарма, считай. Где бы душу неучтенную только найти...

И тут взгляды белки и смерти сошлись на мне. Ну нет... Вот ведь две коммерсантки недобитые!

— Даже не надейтесь! — решительно заявила я.

— Слышь, Хель, а может, ты ее быстренько уokoшишь косою, а? И душу мы того, загоним.

— Не могу. По протоколу не положено. Она сама должна... К тому же против воли через бездну не пройдет.

Белка опечалилась. А потом, махнув лапой, предложила мне:

— Эй, а давай мы тебя в долю возьмем? Скажем, три капли силы. Все по-честному! Ну что ты теряешь? Свое недвижимое тело? А три капли силы способны совершить чудо даже в этом мире и поднять тебя на ноги... А пока твое тело полежит без души в... на морозе... Нет, не так... Как бишь его. А, вспомнила! Коматозе.

И вправду, что я теряю? Только я успела озвучить, что согласна, — в мою грудь впились совиные когти. Как выяснилось, выдирать душу из еще живого тела — процесс тяжелый (для смерти) и весьма болезненный (для меня).

Едва мой дух воспарил над кроватью, меня тут же засосало в воронку. Вот только перед тем, как потерять сознание, услышала:

— Хель, кажись, у нее сердце остановилось...

— Ну, значит, одним трупом больше, — выдохнула смерть. — Но она же сама согласилась. Значит, оформим как суицид.

Сознание померкло окончательно.

В себя я пришла от дикой боли. Распахнула глаза и увидела, что надо мной склонилось незнакомое лицо, отчасти скрытое черными волосами, обрезанными до плеч. Пронзительный взгляд зеленых глаз словно препарировал.

Моя первая мысль при виде этого брюнета оказалась чисто профессионального характера: такой цвет глаз, напоминающий о майской листве, в сочетании со смуглой кожей не встречается в природе. Скорее всего, это линзы, которыми и воспользовался брюнетистый выпендренщик! Кадры с ним придется обрабатывать и чуть затемнять, тогда будет идеальный снимок.

Странный тип с облегчением выдохнул. Почувствовала кожей, что воздух с морозцем. И это от живого человека?

Зато тут же смогла ощутить и всю гамму чувств, что приличествует телу. Голому телу, лежащему на камнях. Моему.

— Слава бездне, успел. — Тип чуть отстранился от меня. — Ты можешь говорить?

— Ка-а-ахр. — Горло словно сдавило невидимым жгутом, и я выдала вместо «конечно» сей набор звуков. Сглотнула. Стало чуть легче.

Тип заскрежетал зубами:

— Эти две прохиндейки не могли подsunуть мне душу вороны. Я бы почувствовал.

— Я. Не. Во-ро-на, — произнесла я с невероятным усилием.

Язык слушался с трудом, да и эта пара слов... Прежде чем произнести их, я долго копалась в памяти, словно в сумочке, когда на ощупь пытаешься найти ключи. Ведь знаешь, что они точно там есть, но сразу в руки ни за что не попадутся. Вот так и со словами... Будто это была не моя голова.

Хотя почему «будто»? Если это все же не шизофренический бред, то выходит, что тело сейчас не мое и, следовательно, голова тоже.

Я взгляделась в проломленный стрельчатый потолок, ушедший ввысь. Через него было видно серое небо. Уцелевшую часть свода подпирали беломраморные колонны, некоторые из них были разрушены. Часть фрески под самым куполом изображала то ли ящеров с крыльями, то ли демонов, которых люди в рясах осеняли светлым знаменем. Как специалист могла сказать, что с концепцией было

туго. Даже мне, далекой от понятий «тактика», «стратегия» и «как замочить врага и не сдохнуть самому», было понятно: сожрет ящер крылатый святош, ой сожрет. Но художник был уверен в обратном, оттого на фреске чуть ниже один из монахов пронзал копьем здоровенную тушу. При этом копье выглядело зубочисткой, а ящер — батоном докторской. Но добро победило. Пусть и лишь в воображении художника.

В общем, обстановка была явно не больничной, да и в комнате, где я провела последние четыре месяца, таких сводов не наблюдалось. Скорее уж храм после штурма или бомбардировки с воздуха.

Значит, я сейчас в теле той самой отравленной невесты.

Между тем тип, убедившись, что я не ворона, слегка успокоился. Даже глазом дергать перестал. Зато руки его ощутимо дрожали. Да и виски оказались покрыты испариной.

Я же поняла, что релакс на камнях — это, конечно, хорошо, а чувствовать собственное тело — вообще здорово, но если я полежу так еще чуть-чуть, то смогу сделать первое в новой жизни приобретение — радикулит.

Поэтому попыталась встать. Ха-ха. Причем три раза. Я едва могла пошевелить рукой. Она была тяжелой, словно из свинца отлитой.

Брюнет, заметив, что я не только могу говорить, но и подаю другие признаки жизни и удирания, наклонился и поднял с пола холщовую сумку. Ослабив на ней завязку, он начал что-то искать и, не отрываясь от этого архиважного процесса, крикнул:

— Тащите сюда какого-нибудь храмовника из тех, что еще живы. Пусть нас повенчает. Невеста очнулась.

Нет, я, конечно, слышала о скорых браках, но чтобы настолько... К тому же в памяти накрепко засели слова белки о том, что «ему бы невесту только до алтаря дотащить». А потом что? Прибьет? Ну уж нет!

Неимоверным усилием воли я перевернулась на бок. Потом еще раз... Каждое движение давалось с болью, но уж очень хотелось жить.

Увы, далеко укатиться не удалось. Путь преградили сапоги. Добротные сапоги из дубленой кожи, с окованными железом носами.

— И куда собрались, лэрисса Кэролайн? — спросил все тот же чуть хриплый голос. — Или как твое настоящее имя?

— Лада, — невесть зачем брякнула я.

— Хорошо, что женщина, возни будет меньше, — удовлетворенно хмыкнул брюнет. Он присел на корточки и, заглянув в мое лицо, проникновенно спросил: — Ну и куда ты собралась от меня, Лада?

— Не все рождены для брака, кто-то и для счастья... — попыталась я донести до этого типа прописную истину. Дескать, не очень-то мне и хочется венчаться сейчас. Да и вообще, в перспективе, так сказать. — А я хочу быть счастливой.

— Значит, ты, Лада, как и курица Кэролайн, которую отравили, считаешь, что лучше смерть, чем выйти замуж за темного?

— Ни в коем разе. — Удивительно, но чем больше я говорила, тем легче мне давались слова. — Я вообще не расистка. Какая разница: белый, черный, красный, желтый... Главное, чтобы человек был хороший.

И тут нашу милую беседу прервали. Сначала стук сапог о мрамор, потом пыхтение и истошный женский крик: «Я? Никогда!», а потом и собственно визитеры.

Молодой парень в черной одежде заломил руку монахине, а еще для надежности приставил к ее горлу кинжал.

— Мессир, храмовника не было. Тут только монашки...

— Не важно, пусть эта, — брюнет кивнул в сторону замершей под лезвием служительницы, — проведет церемонию.

— Исчадие тьмы, не дожدهшься! В оскверненном храме...

— Я в курсе, что он осквернен, ибо сам же его и разрушил. Увы, в целый я, как истинный темный, не смог зайти. А вы не горели желанием выдать мне невесту. Проводите церемонию, — потребовал брюнет, — и я надену на руку моей нареченной обручальный браслет.

Кинжал впился в горло монахини, прочертив красную полосу. По лезвию потекли капли крови. Я увидела животный

ужас в ее глазах, сейчас он напрочь вытеснил фанатичный блеск веры. Ей хотелось жить. До одури, до дикой паники.

— Вы не понимаете, я не могу! — истерично выкрикнула она. — Сочетать узами может только церковник. Я же...

Брюнет холодно посмотрел на монахиню, и та осеклась.

— А вы попробуйте. — От его обманчиво ласкового голоса мне захотелось срочно зарыться поглубже. И не важно, что подо мной была каменная кладка. Я сказала «зарыться», и все тут.

Монахиня сглотнула и выдавила из себя дрожащее «д-д-да».

А потом была самая странная свадьба из всех, что я когда-либо видела, а видела я немало. Невеста, то бишь я, все так же лежала на полу, жених стоял рядом, а регистраторше в бок упирался кинжал. Когда она дошла до слов «согласна ли дева Кэролайн Лавронс...», я решила, что самое время, и... потеряла сознание. Как говорится, в борьбе за жизнь все средства хороши. И если длина оной прямо пропорциональна тому, как долго я нужна брюнету в качестве невесты, то я сделаю все возможное, чтобы пробыть в данном статусе как можно дольше.

В себя пришла оттого, что кто-то меня нес, причем перекинутой через плечо. Я попробовала дернуться. Меня тут же подкинули, отчего мои челюсти клацнули в районе мужского зада, обтянутого черными штанами. А потом я узрела сапоги. Знакомые такие сапоги из дубленой кожи.

— Если решишь еще чего-нибудь выкинуть, то я тебя упокою, — предупредил мой жених. Или уже муж?

Нет, судя по тому, что мои запястья были свободны от дурацких браслетов, церемония все же не состоялась. Это радовало. Как и то, что я сейчас относительно одета. Точнее, завернута в какую-то шкуру, если судить по ощущениям. Кожу щекотал густой мех.

Мой «жених» перехватил меня поудобнее и продолжил выдавать ценные указания:

— Виси и не вертись. А если решишь удрать, так и знай: убую. И плевать, что на призыв твоей души я потратил почти все свои силы.

Я закашлялась. Кровь резко прилила к голове, а вместе с ней и дурь. Иначе почему я не прикусила язык, а ляпнула:

— Вообще-то это была моя фраза. Про лучшие отданные годы.

Я почувствовала, как мышцы брюнета напряглись, хотя шаги его были такими же четкими и размеренными. А вот вкрадчивый голос заставил насторожиться:

— Что ты хотела этим сказать?

— Ну, обычно такое после энного количества лет брака говорят жены. Я, дескать, отдала мужу лучшие годы своей жизни.

— Мы еще, слава бездне, не женаты.

— Если ты славишь свою бездну и вообще рад, что мы еще не супруги, отчего так рьяно тащишь меня в этот самый брак?

Разговор выходил презанятный, особенно с учетом того, что я все еще висела вниз головой. Но не молчать же мне? А так слово за слово и выясню, куда меня занесло и каковы туманные перспективы кроме злополучного замужества.

— Потому что жениться на тебе мне повелел владыка, — прозвучал исчерпывающий ответ, и мой телоносец надолго замолчал.

Мне же слегка осточертело висеть вниз головой и рассматривать каменную кладку. Я дрыгнула пяткой.

— Сейчас скину, — предостерег «жених».

— А можно меня поставить? Или хотя бы сделать так, чтобы голова была вверху, а не внизу? А то, господин хороший, у вас так невеста повторно скончается. От кровоизлияния в мозг.

Но то ли этот гад решил, что крови изливаться у меня не во что, то ли мне вообще попался на диво небережливый тип, но моей просьбе он не внял. Хотя... Чего ждать от того, кто с радостью женился бы и на зомби, если бы оно смогло пойти к алтарю?

Мы вышли на улицу и начали спуск по лестнице, когда раздался крик:

— Сдавайся, исчадие тьмы! Руки вверх! И никаких заклинаний. С нами белый маг.

Судя по всему, обращались к моему телоносцу.

Брюнет остановился, словно обдумывая прозвучавшую фразу.

Лично я была против такого развития событий хотя бы потому, что если мой «жених» поднимет руки, то я грохнусь вниз и сверну шею.

Между тем «исчадие тьмы», удерживая меня одной рукой, невозмутимо поинтересовалось у тех, кто заступил ему дорогу:

— И почему я должен сдаваться?

Вопрос прозвучал спокойно и обыденно. Я бы даже сказала, с интонацией «как же они меня достали».

— Ты разрушил монастырь! Осквернил святыню! Надругался над монахинями и крадешь святые мощи! — Кто-то пафосно обличал брюнета.

Да уж, сильно того прижало жениться. Судя по всему, владыка — суровый мужик. Раз моему «жениху» проще показалось разворотить монастырь, рискуя сдохнуть от руки стражей, чем вызвать гнев своего повелителя.

— Я не разрушал монастырь, а лишь улучшил систему вентиляции купола. Что же до осквернения: если выдали бы мне мою невесту сразу, мне не пришлось бы входить внутрь. Когда темный маг ступает под свод святыни, то тут одно из двух — сгорает либо он, либо защита храма. Поэтому уж извините, что мой дар оказался сильнее, чем купол над вашей молельней.

— Ты еще смеешь дерзить, чернокнижник?! — В дипломатический диспут средневекового разлива вступил третий, зычный голос, прочно ассоциировавшийся у меня с криком «Гектор!» из фильма «Троя». — У тебя на плече — мертвие, ты выходишь из разрушенного тобой храма и считаешь, что все сойдет тебе с рук?

Раздался вскрик: «Сперато!», и в воздухе что-то затрепало. Темный со мной на плече резко сиганул в сторону. Я здорово приложилась к чему-то бедром. Хорошо хоть не головой.

Мой «жених» прошипел что-то сквозь зубы. То ли колда-нул, то ли выругался. Через секунду совсем рядом что-то обрушилось.

Надеюсь, не то укрытие, за которым мы находились. Еще немного в том же духе — и нас просто убьют. Поэтому сочла, что стоит слегка разрядить обстановку:

— Мужики, клянусь, я не труп! Я его невеста. У нас всего лишь была репетиция брачной церемонии.

Говорить, что перед ней моя предшественница отправилась за грань, я не стала. Зачем брюнета еще сильнее подставлять?

Мой крик возымел эффект. На миг воцарилась тишина.

— Клянешься? Невеста темного? И венчание в храме светлых? Давненько я такого бреда не слышал! — раздался все тот же голос, обладателя которого я про себя окрестила Гектором.

— Моя невеста не темная, — неожиданно поддержал меня мой «жених». — Она самая что ни на есть светлая. Кэролайн Лавронс. Надеюсь, это имя вам знакомо? А я истинный темный Деймон Райос, страж и ее жених.

И тут в рядах противников случилось что-то странное. До моего уха долетел шепот «тот самый страж» и «император повелел», а потом... тишина.

Я задергалась, пытаюсь вывернуться.

— Стоять сможешь? — спросил темный.

У меня уже кружилась голова, пульс набатом отдавался в висках — да я бы сказала, что смогу не только стоять, но и станцевать канкан, лишь бы меня вернули в нормальное для человека положение.

Деймон опустил меня. Голые ноги коснулись каменной кладки, в ступни впились мелкие осколки. Перед глазами все еще плыли разноцветные круги, но ком тошноты, подступавший к горлу, исчез. Я была пьяна от ощущений. Снова стояла на ногах, осязала стылый холод. Могла повернуть голову. Чувствовала тело. Пусть не свое собственное... или уже мое?

— Где они? — спросила я, зябко кутаясь в плащ, который поначалу приняла за шкуру.

— Эти, в отличие от монахинь, оказались более понятливыми. Ушли, — буднично ответил брюнет.

— Просто услышали твое имя — и ушли? — не поверила я.

— Наши имена. И твою клятву.

— При чем здесь имена, клятва и...

— И давай поторопись. Мне еще нужно найти того, кто сегодня обвенчает нас.

Я поджала одну ногу. За столь короткое время обе они успели замерзнуть, и я почти не чувствовала ступней. Эйфория от осознания того, что я снова могу ходить, постепенно спадала. Я огляделась. Стылая голая земля, кое-где прикрытая первой снежной крупой, нагие деревья, свинцовое небо — все указывало на ту пору осени, когда люди уже начинают мечтать о зиме.

В голове роилась тысяча вопросов, но я задала главный:

— Как только мы поженимся, ты убьешь меня?

Я смотрела темному прямо в глаза. Твердо, уверенно, готовясь услышать «да».

Брюнет криво усмехнулся:

— Нет. Пока не предстану с тобой пред взорами владыки и твоего императора — это для меня непозволительная роскошь.

Что ж, хоть какая-то передышка. Надеюсь только, что аудиенция с местными монархами состоится не через пять минут после свадьбы.

— И не вздумай второй раз потерять сознание. Это уже не поможет. Мы не обвенчались лишь потому, что женщина не в силах сочетать узами брака, будь она хоть трижды пресветлой. Тут монахиня не солгала.

— То есть спрашивать моего согласия совсем не обязательно? Достаточно наличия тела?

Ответом мне послужил убийственный взгляд, но потом брюнет все же расщедрился на пояснение:

— Живого тела. На мертвом брачный браслет не застегнется.

— А-а-а... — начала было я.

— Слушай, — перебил «жених», — откуда ты такая разговорчивая взялась?

— Тебе и правда интересно? — Я изогнула бровь.

— Нет, — процедил брюнет. — Это был риторический вопрос. А теперь пошли.

На пороге храма возник тот самый юноша, что держал кинжал у шеи монахини.

— Мессир? — Он выглядел слегка озадаченным.

— Ойс, возвращайся в Лононер. Твоя помощь больше не понадобится. А мне придется немного задержаться.

Парень коротко кивнул и исчез за дверью храма.

Темный схватил меня за руку и, развернувшись, потащил за собой, правда, недалеко. Буквально через пару шагов я вскрикнула от боли: осколок впился в ступню, которая, казалось бы, ничего не ощущала. Ан нет, когда кожу рассекла острая грань, я убедилась, что все в этом мире относительно. В том числе и степень обморожения.

Видя, что я заскакала на одной ноге, брюнет процедил: «Да чтоб тебя» — и уже собрался подхватить на руки, как я заорала:

— Только не вниз головой!

— Зато так будет быстрее, — с убийственной мужской логикой возразил этот чернокнижный тип. — И к тому же одна рука свободна.

Меня тут же подхватили и потащили в лучших традициях первобытных охотников, когда добычу перекидывали через плечо и волокли в пещеру. Хорошо хоть не оглушили дубиной по темечку. А то с этого «жениха» станется. Для убыстрения процесса, так сказать, чтобы ноша не дергалась.

В итоге я опять повисла вниз головой. Правда, на этот раз моему взору предстал не каменный пол, а схваченная морозом голая земля. Опять замутило, и я начала мечтать об успокоительном. Об успокоительном и патронах к нему.

Раздавшийся резкий свист заставил вздрогнуть. А потом меня посадили. На что именно — сообразила не сразу. А когда увидела...

— Держись за меня крепче, иначе упадешь и разобьешься.

Я тут же ухватилась за бронею. Еще бы. Когда оказываешься верхом на метле, которая, едва ее оседлали, резво взмывает вверх, в темного мага не то что руками вцепишься, еще и зубами в спину вопьешься для верности.

Я бы, может, так и сделала, если бы не была занята... Я орала.

Делала я это вдохновенно и с полной самоотдачей. Жаль, недолго. И пяти минут не прошло, как бронею мое сопрано надоело, а может, он решил, что контузия — это не то, что он хотел бы занять в ближайшее время... Так или иначе, но бронеистый тип взмахнул рукой, что-то выкрикнув, и я заглохла. Совсем. Сколько ни пыталась издать хоть звук — все впустую.

Орать беззвучно было неинтересно, потому я сосредоточилась на том, чтобы не грохнуть. А если учесть, что я и самолетов-то побаивалась, вернее, летать на оных, то... В общем, как-то не так, наверное, положено сидеть на этих метлах. Ну или хотя бы не обвивать талию «водителя» не только руками, но и ногами.

В таком положении у меня быстро все затекло. В первую очередь — хватательные конечности, которые я по приземлении не смогла разжать. В результате некромант и вообще грозный маг слез с метлы вместе со мной. Причем я выполняла роль рюкзака с сильно спущенными лямками и болталась в районе чернокнижниковых ягодич.

Обзор был, конечно, неважнецкий, но, судя по всему, мы оказались на небольшой площади какого-то городка.

— Лэрисса Лавр... — раздраженно начал темный и осекся. — Лада, слезь с меня.

Я не смогла ответить по той простой причине, что на мне все еще было заклятие немоты.

Темный сообразил и щелкнул пальцами. Фух, словно кляп изо рта вынул.

— Не шма-гу. — Четкости речи мешало то, что у меня зуб на зуб не попадал, да и вообще я слегка закоченела. Так, самую малость, всего лишь до состояния ВИП-клиента криокамеры.

— Ну слово «да» ты сможешь сказать?

Я тут же сообразила, что для церемонии все же нужно мое согласие, и этот темный тип у входа в храм соврал, а точнее, недоговорил. Выходит, брак не состоялся не только по причине того, что на роль священника монахиня не подходила. Не зря я в обморок упала, ох не зря.

— Не ш-шнаю, — прошепелявила я.

Чернокнижник заскрежетал зубами:

— Слушай, чокнутая. Еще удар колокола назад я мечтал добиться заключения брака. А вот сейчас я мечтаю об одном: добить. Добить одну чересчур говорливую светлую.

— Слушай, если на тебя так супружеская жизнь действует, может, лучше ну ее? — внесла я рацпредложение.

Но нет, этот странный тип не внял моему предложению. Он устремился к своей цели, как бабка при виде свободного места в общественном транспорте: решительно, наплевав, что за плечами у нее увесистый «багаж».

— А куда мы? — начиная немного согреться, спросила я, все так же обвивая колдуна.

На нас глазели, тыкали дрожащими указательными пальцами, шептались. Но мне было плевать.

Зато одежде горожан, да и в целом обстановке городка я уделила пристальное внимание. Все вокруг говорило, что я угодила не в дикое Средневековье: рыцари в латах по улицам толпами не шлялись, дамы далматики с рукавами до запястий и покрывал не носили. В ходу у мужчин здесь были колеты, а у местных фрау — платья в пол. М-да, не наш двадцать первый век джинсов и кроссовок, не наш...

— В ратушу. Там точно нас обвенчают, — соизволил ответить темный.

Надо ли говорить, что внутри оной мы оказались в считанные минуты. Темный рыкнул:

— Градоначальника!

Служащий в суконном кафтане, еще совсем парнишка, так и подорвался с места. Его старт был столь стремительным, что слетел форменный картуз. А крик: «Спасайтесь! Те-о-омный!» — еще долго гулко звенел в коридоре.

— Так. Я не поняла, нас будут женить или нет? — с надеждой, что церемония все же отменяется, поинтересовалась я, глядя в уже пустую темень коридора.

— Будут, — уверенно ответил темный.

— А может...

— Еще одно слово — и я тебя упокою.

— Может, успокою? — тихо решила уточнить я.

— Я что хотел, то и сказал. И слазь с меня уже в конце концов, чудовище!

— Не могу... Руки не разжимаются.

Темный ничего не ответил, лишь выдохнул, словно пытаюсь успокоиться, а потом начал меня отдирать. Сначала магией, но она оказалась бессильна: я решительно не желала отдираться, зато плащ на чернокнижнике затрещал. Видать, нитки гнилые попались. Определенно нитки, а не потому что мои пальцы впились в ткань железной хваткой.

— Слушай, ты, недоразумение, предупреждаю по-хорошему: отцепись!

— Слушай, ты, темный! Хватит на меня зубом цыкать. Я не могу руки разжать. Они у меня замерзли. Честно, замерзли. Я бы с радостью.

— И ноги замерзли? — подозрительно уточнил маг, глянув на мои посиневшие лодыжки.

— И ноги, — согласилась я. — А еще им страшно.

— Кому им? — не понял чернокнижник.

— Ногам. И рукам страшно. И мне всей тоже.

Больше я ничего не услышала. Зато почувствовала, как теплые сильные мозолистые руки коснулись моей кожи, и по телу пробежала волна жара. Я смогла расцепить пальцы и наконец слезла с мага.

Как раз вовремя. Сначала в глубине коридора, а потом все ближе и ближе зазвучали шаги. Точнее, не шаги, а легкий галоп. К нам бежали наши «регистраторы». Надо сказать, что к церемонии они подготовились основательно: заряженные арбалеты, копыя, перепуганные лица...

— Ч-ч-что извол-л-лит т-т-темный м-м-маг? — одновременно грозно и заискивающе уточнил толстяк, трясая двумя

своими подбородками. Как у него получилось сочетать в одной интонации несочетаемое — ума не приложу. Но факт остается фактом.

— Изволит, чтобы его с его невестой обвенчали.

При этих словах на пол упал кошель. Глухой удар подтвердил: мешочек весьма тяжел и почти полон. Толстяк проводил его внимательным взглядом, сглотнул и... Жадность поборола страх. На лице любителя поесть тут же расцвела улыбка, и он залебезил:

— Ну что же вы сразу не сказали, господин темнейший... Я, градоначальник приграничного Майрика, с большим удовольствием... — Он сам же оборвал себя вопросом: — Когда изволите провести церемонию?

— Здесь и сейчас. Начинайте.

Градоначальник закашлялся. Я невольно попятилась.

— Дорогая, ты куда? — столь сладким голосом спросил темный, что я прямо почувствовала, как в крови поднялся уровень глюкозы.

Замерла как мышь перед удавом.

— У меня... предсвадебный мандраж, — сглотнув, выпалила я. — И вообще, я в свадьбах еще неопытная, я их боюсь.

Говорить о том, что этих церемоний повидала в объектив камеры столько, сколько темному и в кошмаре не приснится, я не стала.

Зато градоначальник, то ли недослышав, то ли с перепугу, уловил только «неопытная» и поспешил заверить, что это дело легко поправимое и после первого раза проходит.

Тут уже нервно дернул глазом чернокнижник, которому и одной свадьбы было выше крыши.

— Начинайте уже, — буркнул Деймон сквозь зубы. — Брачные браслеты — вот.

И он показал два витых украшения, изображавших змей, кусающих свои хвосты.

Вид золотых наручней испортил мое плохое настроение окончательно, поскольку я поняла: в этот раз не отвертеться. Или...

ГЛАВА 2

«Или» не случилось. Темный лишь назвал имена — Деймон Райос и Кэролайн Лавронс, как стража выдохнула. Даже наконечники стрел перестали угрожающе трепетать, и арбалеты опустились вниз.

Градоначальник, лихо оттарабанив вступительную часть про быстротечность времени, про то, какое большое сокровище любовь, про то, что молодожены — два хрупких сосуда, спустя полминуты перешел к главному вопросу: согласны ли мы, собственно, вступить в брак?

Толстячок ни разу не сбился, хотя тараторил так, что Тина Канделаки от зависти язык могла проглотить. Да уж... У местного городского главы не просто рука на свадьбы набита, такое ощущение, что он темных магов каждый день пачками женит, как на конвейере. Или просто нашему регистратору дюже захотелось денег?

Скорее второе. Поскольку, когда жених ответил «да» и взоры всех присутствующих переместились на меня, а я на миг застыла в немом молчании, этот городской шельма хлопнул в ладоши и громко возвестил:

— Дорогая невеста онемела от восторга, но я по глазам вижу, что она согласна. Ведь так, лэрисса Лавронс? Просто кивните.

Даже кивать мне не хотелось. Решительно не хотелось. Но темный щелкнул пальцами, выдохнув столь тихо, что я едва услышала: «Эрастис!» — и в носу начало нещадно щипать. Я оглушительно чихнула.

На лице градоначальника расцвела такая фальшивая улыбка, словно он купил ее на «Али-экспресс». А вот черно-книжник радости не источал, он был занят делом: ловко окольцов... в смысле обраслечивал меня. Буквально секунда — и на моем запястье сомкнулась застежка: золотая змея накрепко впилась в свой хвост.

Я опустила взгляд: на руке темного красовался такой же браслет, только более массивный.

Градоначальник, с облегчением выдохнув, провозгласил, что на территории Светлой империи появилась еще одна семья, зажегся новый очаг...

Но тут главу местного городка перебил чернокнижник, нагло заявив, что достаточно будет записи в зачарованной книге ратуши. Толстяк спохватился, схватил себя за горло, словно испытал приступ удушья. Но нет, он всего лишь нащупал на шее шнурок и, выудив его из выреза рубахи, сжал в руках какую-то висюльку. Воздух перед градоначальником озарился светом, и появилась книга с лежащим между страниц пером.

Как я позже узнала, это было перо огненного грифона. Записи, сделанные им, не поддаются влиянию чар, и их не подделывать.

Пока же я лишь наблюдала, как градоначальник, диктуя сам себе, выводит строчки: «Пятнадцатого числа месяца полудимника сочетались браком пресветлая лэрисса Кэролайн Лавронс и темный маг, страж Деймон Райос». И под это бормотание толстяка я поняла: вот теперь я точно влипла!

Едва градоначальник захлопнул книгу, чернокнижник пнул кошель с деньгами в его сторону, а затем, не говоря ни слова, в своей излюбленной манере перекинул меня через плечо и понес вон из ратуши.

Я взвыла:

— Ты добился своего, женился. Теперь-то хотя бы можно не тащить меня вниз головой?

— Можно, — покладисто согласился темный. — Но тогда ты либо отморозишь ноги, либо рассечешь ступни. А скорее всего — и то и другое. Нет, перед владыкой ты должна предстать живой и желательно невредимой.

Чернокнижник вскинул голову и взглянул на небо, потом на горизонт, где маячили горные пики, и пробормотал себе под нос:

— Надвигается снегопад. Но должны успеть.

Куда успеть, зачем и почему — уточнить не смогла. Меня вновь посадили на метлу. На этот раз чернокнижник, наученный горьким опытом, поместил меня перед собой. Выясни-

лось, что у темного руки не только сильные, но и длинные, потому что он с легкостью обнял меня и схватился за черенок метлы ровно перед моими руками.

Я оказалась притиснута к Демону.

— Пригнись, обзор закрываешь, — процедил он.

А я что? Я ничего! Сгорбилась, как могла, и вообще стала тихой мышкой на полставки.

То ли сейчас я сидела боком и мои ноги были закрыты полами плаща, то ли меня грели руки чернокнижника и его дыхание, но в ледышку я превратилась лишь частично.

Уже совсем смеркалось, когда меж заснеженных горных вершин показался замок, мрачный, величественный. Создавалось впечатление, что острыми шпильями сторожевых башен он пропарывал брюхатые снегом облака.

Мы пошли на снижение. Внизу во дворе замка кто-то закричал, замахал руками. Я напряглась, ожидая, что через мгновение появится группа поддержки с факелами, копьями и стрелами. Но нет. Это просто слуги приветствовали своего хозяина.

Едва метла остановилась, моего уха коснулись губы чернокнижника. Я вздрогнула.

— Для всех ты благородная Кэрлайн Лавронс, дочь второго паладина империи светлых, и никак иначе. Ясно?

— Д-да, — лязгнула зубами я. Видимо, все же основательно замерзла.

Мелькнула мысль, что вполне можно после таких перелетов схватить воспаление легких. Но додумать ее я не успела. Темный уже спешился и уверенным шагом пошел к парадному крыльцу. Одна несчастная новобрачная так и осталась сидеть на метле.

Маг уже преодолел половину лестницы, когда его догнал мой окрик:

— Эй, а как же я?!

— Кто-то, кажется, хотел прогуляться пешком...

— Но не босиком же по снегу?

Я выразительно оглядела двор, запорошенный холодной белой крупой.

Темный выдохнул, будто пытаюсь успокоиться, и, развернувшись, пошел ко мне. Не говоря ни слова, закинул к себе на плечо и потащил. Я уже не протестовала. Глядишь, еще чуть-чуть — и совсем привыкну к такому способу транспортировки.

Внутри замок оказался едва ли не больше, чем выглядел снаружи: огромные залы, высокие потолки, утопающие в сумраке... И холод. Не такой, как снаружи. Нет. Здесь гулял холод глухой тоски и одиночества.

Меня поставили на ковер рядом с разожженным камином. Я непроизвольно потянулась к теплу. Маг сел в кресло и принялся безмолвно наблюдать за мной. Плевать. Пусть хоть глаза об меня сломают. Главное — согреться.

Но едва я почувствовала, что я все же больше человек, чем клиент патологоанатома, как прозвучало хлесткое, словно удар кнута, требование:

— А теперь ты мне подробно расскажешь, кто ты, как умерла и откуда тебя притащили эти две прохиндейки.

Что именно за прохиндейки, магу уточнять не требовалось. И рыжая и костлявая врезались мне в память.

— Расскажу, куда же я денусь. Как нужно, в подробностях или кратко?

Я повертела головой, нашла взглядом кресло, стоявшее почти за моей спиной, и под хмыканье темного забралась в него с ногами.

— Можно кратко, — разрешил темный.

Уперев руку в подлокотник, он смотрел на меня так, словно прикидывал размер могильной плиты.

— Меня, как ты выразился, «притащили» издалека. — Выкатать после всего, что между нами случилось, мне показалось излишним.

— Огненные земли? — тут же уточнил темный.

— Нет. Наверное, все же чуть дальше, хотя я понятия не имею, где эти земли находятся. — Я закутала руки в складки плаща, стараясь сбечь тепло. — Судя по всему, я из другого мира...

Повисла пауза. Нехорошая такая, с матерным душком, я бы сказала.

— То есть как из другого? — наконец совладал с собой темный, осознав, что ему в мешке подсунули даже не кота, а какую-то заморскую игуану. — И из какого же?

Я призадумалась, как объяснить магу в двух словах, откуда я, если я сама толком не знала, считая свой мир единственным на всю вселенную.

— Из мира, где вместо магии вай-фай, а в воздух поднимаются не на метле, а за счет работы турбин и подъемной силы крыла...

— Крыла? У вас есть драконы? — Темный посмотрел на меня с прищуром.

— Нет. Только второй закон Ньютона, на нем и летаем. Как вверх, так и вниз.

— Вниз можно улететь и без всяких законов. Просто свалиться с метлы, — заметил чернокнижник.

Со знанием дела заметил, будто не раз сам лично ронялся со своей леталки на землю.

Я усмехнулась, подумав, что наш разговор уходит куда-то не туда, а потом поняла: да этот гад просто прощупывает меня. Не получив внятный ответ на прямой вопрос, он пытается ослабить мою бдительность. Наверняка чтобы спустя какое-то время снова спросить о том, откуда я такая взялась.

Не ошиблась.

— И все же откуда ты? Сколько тебе лет? Как умерла? — Тон был уже иной. Не командирский, а словно собеседник зверски устал, но держится из последних сил.

Я внимательнее посмотрела на мага: темные волосы, правильные черты лица. И круги под глазами, точно он не спал несколько суток подряд.

— А сколько тебе? — задала я встречный вопрос.

— Сколько дашь... — не спрашивая, а будто оборвав фразу на середине, ответил маг. Так и просилось окончание: «...столько и будет».

— Если я скажу правду, то ты обидишься.

— Ну тогда соври, — усмехнулся темный.